

ногуа

№4 (2139)

Рок-пролетарская газета издаётся с 1907 года

Знакомьтесь: Александр Коротков, главный редактор рок-пролетарской газеты НИОТКУДА вот уже на протяжении 7 лет; несудим, родственник за границей не имеет, 48 лет от роду, два неоконченных высших, три средних и неисчислимо количество низших образований. Свободно владеет разговорным итальянским языком, правда в ущерб русскому, но на то есть уважительная причина: пять лет жил в Италии, где и издавал "гозетту бля читтении". За участие в демонстрации итальянских читателей НИОТКУДА, посвящённой годовщине подлого убийства тов. Сакко и Ванцетти, отмечен в неблагоприятности насквозь коррумпированным премьером республики Сильвио Берлускони и выслан на родину, в Россию, чему немало не огорчён, а даже обрадован. При написании статьи от имени главного редактора пользовался цитатами из творчества поэта Дм. Пригова и не менее известного писателя М. Зощенко, чтобы не извиняться перед читателем, как это делает каждый второй автор данного номера. Классикам всё-таки не жарко, не холодно от того, как их поняли, правильно или...

СЛОВО И ДЕЛО РЕДАКТОРА

Вот дождь идёт, мы с тараканом
Сидим у мокрого окна
И вдаль глядим, где из тумана
Встаёт желанная страна
Встаёт желанная страна
Как некий запредельный дым
Я говорю с какой-то негой:
Что, волосатый, улетим! -
Я не могу, я только бегать
Умею! -
Ну, бегай, бегай

Здравствуй, дорогие друзья!
Чтобы избавиться от лишнего разглаживания на бесполезные темы, моё "слово" будет похоже на интервью: вопрос-ответ.
Во-первых, критику сразу обратили внимание, что мы обильно используем классиков советской и российской литературы, перепечатки из архивов НИОТКУДА и материалы других изданий. Я не считаю, естественно, что используемое нами хуже, чем творения наших современников. Авторитет художника может подтвердить только время, признание приходит после смерти, оспаривать величие покойного могут только бессмертные, из наследия прошлого черпают сегодняшние кумиры:

Невытерпж стало народу:
Пушкин, Пушкин, помоги!
За тобой в огонь и в воду!
Ты нам только помоги!

А из глыбы как из выси
Голос Пушкина пропел:
Вы играйте-веселитесь
Сам страдал и вам велю!

Правда, невозможно осознать собственное величие, пока жив. Поэтому некоторые авторы, почувствовав, что вдохновение ушло и больше не вернётся, торопятся расстаться с жизнью, отделяющей их творчество от канонизации. Но не всем надеждам суждено сбыться, и в том счастье покойного, что он об этом никогда не узнает. "Так что тут неудача заключается скорее всего даже в том, что люди бывают, что ли, живы. Нет, пардон, тут вообще даже не понять, в чём кроется сущность неудачи. С одной стороны, нам как будто бы иной раз выгодно быть неживым. А с другой стороны, так сказать, покорно вас за это благодарю. Удача сомнительная. Лучше уж не надо. А вместе с тем быть живым вроде как тоже в этом смысле относительная неудача."

К тому же, не все читали даже классиков школьной программы, тем более, авторов периодических изданий. Эти пробелы и пытаются заполнить НИОТКУДА.

Во-вторых, критикам слева не нравится, что рок-пролетарская

газета продаётся за деньги. По их мнению, её надо просто раздавать всем желающим. Ответу просто: а вдруг найдётся всего один желающий, который пожелает всё, и прочим желающим ничего не достанется. "Так что, вообще говоря, неизвестно, сколько человеку всего нужно. Наверное, больше того, чем сколько ему нужно, и не менее того, чем сколько он хочет... Конечно, плата, она как-то ограничивает человека в его фантазиях. Она борется с излишествами, с проявлением разных тёмных сторон характеров. Она в этом смысле, имеет свои светлые стороны. Она лакирует жизнь."

Чем больше Родину мы любим -
Тем меньше нравимся мы ей -
Так я сказал в один из дней
И до сих пор не передумал.

А впрочем, я рад, что вы задаёте вопросы. По крайней мере, это означает то, что вы умеете читать. Читайте дальше, вас ждёт много интересного. «Человек, не интересующийся политикой, дурак». Это не я сказал. «Пусть тужатся и пытаются фашистские пигмеи, пытаются остановить победоносное движение грудящихся масс во всём мире». С пролетарским приветом,

Александр Коротков.

Гимн Смольненских тружеников (рекомендуется для всеобщего исполнения в начале рабочего дня)

Музыка О.Кваши.

Слова народные под редакцией Д. Вейда
Дела, сами знаете, чьи.

Город проснулся с утра
Нас раздирает зевота
Всё ж просыпаться пора
Ждёт нас большая работа

С лёгкой подачи Москвы
Должности мы получили
И закружили и закружили
Город петровской мечты

Ах, Петербург!

Грустные скучные лица
Ах, Петербург!
Где твои царь и царица?

Ах, Петербург!
Есть нам куда приложиться
Был ты столицей
Стал ты частицей
Город наш Санкт-Петербург

Делом заняться спешим
Всем мы готовим сюрпризы
Все мы дома уплотним
Сбоку и сверху и снизу

Все перекроем мосты
Всё мы вокруг раскопаем
И уничтожим к чёрту трамвай
В городе нашей мечты

Швах, Петербург!

Скорчатся в ужасе лица
Швах, Петербург!
Вздрыгнут и царь и царица
Швах, Петербург!

Нашей работы страница
Мы от тебя
Не отставим частицы
Город наш Санкт-Петербург

Наша работа видна
Сил мы своих не жалеем
Нами гордится страна
Нам ордена к юбилею

Трудимся мы и грешим
Будут молить о спасеньи
За поколениями поколенья
В городе нашей души

Ах, Петербург!

Наши счастливые лица
Ах, Петербург!
Мы тут цари и царицы
Ах, Петербург!

Нам ли тобой не гордиться
Наша столица
Наша столица
Город наш Санкт-Петербург

ПО ОБЕ СТОРОНЫ КАМЕННОЙ РАМПЫ

Вместо эпиграфа - несколько рокологических изысков:

Rock - ... амер. камень, ... каменный.

Каменный - перен. крепкий, ... соответствующий каменному веку.

Лет с десяток тому назад в редакции газеты "Львиный мостик" мне показали рукопись одного, кажется Выборгского, пенсионера; рукопись содержала в себе поэму о жизни А.В.Суворова (по стилистике близкая к псевдобарковскому "Луке" - без мата, конечно) и продолжение "Евгения Онегина" (главы десятая-четырнадцатая, причём десятая "написана в соавторстве с А.С.Пушкиным"). Написаны эти опусы были так, что у нас, читавших рукопись, складывалось ощущение, что, кроме "Луки" и "Евгения", автору никакие произведения русской литературы знакомы не были. Ну, по-

самое примитивное мышление приходится мне наблюдать во всей красе. Впрочем, чтобы это мышление понаблюдать, вовсе не обязательно на концерты ходить, вовсе не обязательно смотреть их по телевизору - достаточно почитать печатные первоисточники, измышления этих звёзд (если можно так выразиться) теоретические, где они оценивают творчество: своё и себе подобных. Вот, к примеру одно из недавних таких высказываний: "Меня всегда интересовало, какие художественные задачи способен выдержать

ШЕВЧУКА, КИНЧУКА И ЗИНЧУКА

ЖИВЁТ И ПОБЕЖДАЕТ

ДЕЛО

BEATLES, то (продолжим предложенную кривую в сторону убывания) Шопен, Бетховен, Моцарт - тут поэзией уже не пахнет, и что же говорить о И.С.Бахе, которому крайне редко везло с либреттистами? (Для тех, кто на полном серьёзе согласен с последним утверждением, даю комментарий - я шучу.) Что же такое, как не проявление примитивного мышления, подобная уверенность в присутствии в искусстве вербального над всем прочим? Ни за что я не подумал бы до прочтения процитированных строк, что их автор не знает (а так, как он не знает, сообщают ему и ему подобным), что великие поэты и прозаики великие, как поэты и прозаики, именно потому, что их творчество не ограничивается рамками слов, что вербальная (словесная) красота - самая слабая из всех красок искусства

рок-н-ролл... BEATLES - это же ещё не поэзия. Джимми Хендрикс, Моррисон, Леннон зрелый. У нас появился Гребенщиков, великий и могучий. Башлачёв сверкнул на небосклоне высочайшей поэзии..." Странные мысли напрашиваются у меня, эти слова читающего: выходит автор настолько не любит рок-н-ролл, что все его возможности сводит исключительно к вербальности (к словам)! О том, что рок это прежде всего музыка, и у этой музыки тоже должна быть своя поэзия, говорящий приведённые выше слова просто не догадывается!

Я не хожу на поп-концерты, очень редко бываю на концертах рок-звёзд, но когда бываю, то это

Музыка поэзия выше, чем у

ва, и художники слова, лишь словами себя ограничивающие, неизбежно с горы искусства скатываются в низины идеологии, и чаще всего во впадины самых примитивных её форм - во впадины партийности. (Опять же - написал последнюю фразу и задумался: прочитает её некто с примитивным мышлением и подумает, будто я считаю, что Лев Толстой хуже маляра дяди Васи или какого ресторанный лабуха, - увы, с таким мышлением сложно соорудить, что даже очень хорошими красками можно очень плохо рисовать.) Не потому ли этот вербальный элемент был так любим советскую власть имущими, не потому

ли они уничтожили все жанры театра кроме литературного, не потому ли из всех жанров музыки возвели жанр советской песни (в котором музыка, как таковая, не важна, а важно, что она "строить и жить помогает") и не потому ли кино (которому только-только сто лет исполнилось, которое в 99 случаях из 100 выполняет функции иллюстративные) было им объявлено "из всех искусств... важнейшим"?.. Но вернёмся к нашим баранам - Нет, о баранах будет дальше, пока продолжим проластырей. Какие же "художественные задачи" решают они? При помощи музыки, как правило - никаких (теоретическое обоснование - весь этот абзац). Тексты иногда бывают, действительно, поэтичными, но иногда (и очень часто) - примитивное мышление одерживает победу над всем, и "во главе угла" оказываются задачи чисто идеологические, более того - откровенно партийные. И кто-то из этих звёзд создаёт свои "армии"; против кого этим "армиям" сражаться? - Правильно, против врагов "вождей". Оставив в покое "иностранцев, ментов и прочих гадов в этом зале", хотелось бы остановиться поподробнее на некоторых из этих врагов нынешних, на врагах (опять же) партийных. Объёмный и ёмкий тезис: "Вся жизнь - борьба" - при вмешательстве примитивного мышления приобретает форму: "Кто не с нами, тот против нас". Так вот кто же не с ними? - Конечно же музыканты из других "партий"! Во-

первых, из "партии" музыки классической. (Я уже писал об этом, приношу извинения постоянным читателям за то, что несколько повзвели жанр советской песни (вторюсь.) Вот фрагмент ещё одного интервью (передаю своими словами): "Согласны ли вы с тем, - спрашивает интервьюер, - что классическая музыка находится в кризисе?" "Согласен," - отвечает "звезда". "А почему?" - интересуется непонятливый журналист. "А потому, - следует, - что ей обучают в институтах!" Да, прав был неслучайный Полиграф Полиграфич: мы, мол, академиев не кончали, в квартирах... Ну, что подельные задачи решают они? - не знает эта звезда о современной музыке классического на-

богу, мышление его не было примитивным, и никакой ахинеи на счёт современной ему музыки после себя он не оставил.)

...А вот другой враг. Борьба с ним ведётся не только на теоретическом уровне; здесь в ход идёт всё: от банального мордобития до сочинения бравурных боевых маршей, один из которых так и называется: "Попса!" ...Я много чего хотел бы об этом написать но есть одно НО, мешающее мне сделать это: я не могу понять, в чём же принципиальное различие между рок- и поп-звездами? Я изучил множество "первоисточников" и выяснил, что вся разница

состоит лишь в одном: МЫ это ОНИ, а ОНИ это ОНИ. Вот несколько тезисов (с комментариями): ОНИ зарабатывают много денег (не верю, что рок-звёзды бедные); ... ОНИ поют под фанеру (ёлки-палки, да и рокеры есть, которые этим не гнушаются); ... у НИХ песни

МАКАР

КАШЧАЙ

КОКЛЕ

правления, а раз не знает, значит, она, эта музыка, такая плохая, что и знать про неё не обязательно, тем более, что у неё есть "причина" быть плохой. Глядишь, понравятся эти тезисы "звёздам" от политики, и станем мы свидетелями очередного этапа "борьбы с формализмом в музыке". (Для молодых читателей должен сказать, что в таких рассуждениях нет ничего нового, моим ровесникам и тем, кто старше нас, всё это уже хорошо знакомо.) (Любимым русским композитором Ф.М.Достоевского был М.И.Глинка, о существовании М.П.Мусоргского, П.И.Чайковского этот писатель, и не догадывался; слава

пустые (побойтесь бога, господа, не равняйте СЕБЯ по содержательности с действительно БОГАМИ); ... "розовая грязь от рогов до хвоста!..." (что, на ВАС самих этой "розовой грязи" мало? - Не судите, да не судимы будете.)

...Раз уж упомянул бога всуе, остановлюсь и на этой теме. С "попсой" на сцене рок-звёзды борются, а в духовном пропагандируют они именно "попу": главенствующую государственную Ortodox'альную Церковь. И готовы они лезть с кулаками: "Ты что, сволочь, в бога не веруешь?!" И в пользу её, Церкви: бедной, несчастной, нищей - они устраивают грандиозные акции. И не понять

им, во власти примитивного мышления пребывающим, что вовсе не сражаются они за духовность, не за бога (пусть даже, предположим - "единственно верного, потому что единственно истинного") - а за бюрократическую структуру, за идеологию, за партийность, пришедшую на смену партийности коммунистической...

... И среди их, рок-звезд, друзей - лощёные печатные органы, всё это мышление пропагандирующее, печатающие этих звезд мысли, самые глубокие порой из которых: "Миозикл - дурацкое слово, поганое слово, оно мне претит." И я очень благодарен этим журналам, без этих мыслей понять примитивное мышление наших рок-звездных тружеников мне было бы очень трудно...

... Оставим эту сторону рампы и обратим взор на потребителей (хорошее слово!) продукта этих тружеников. Стучит барабан, шлет по сцене тот, кто выполняет

функции шамана - и публика качается в такт ему, и взмывает руки к небесам... И мне, порой ощущающему себя инопланетянином, часто не понять их беспочвенного восторга, и часто кажется мне (крещусь!), что публике этой совершенно безразлично чему радоваться, чему восторгаться, от чего, наконец, "балдеть". И ясно видно мне, инопланетянину, вновь проявление примитивного мышления, и ясна мне вся психология этой толпы, основанная на одном, до примитивного простом постулате: "Всё, что творится там, на сцене, не может быть плохим." (А вот Эйнштейн, - возразите вы мне, - тоже построил свою Теорию относительности на двух постулатах. Да, на двух, - отвечу, - но для того, что бы она стала тем, что есть, потребовался совсем не примитивный математический аппарат.)

... И бушует на сцене "действие", и си-

жу я на трибуне, и смотрю на это, словно смотрю фильм о том, что было "миллион лет до нашей эры", и возношу благодарение своему инопланетному, совсем не orthodox'альному богу, за то, что есть на свете хоть что-то не примитивное...

Три пост-скриптума во избежание того, чтобы быть не понятым примитивным мышлением некоторых читателей:

1. Мнение автора вовсе не обязательно совпадать с мнением редакции, а тем более с мнением читателя.

2. Автор не столь с примитивно мыслит, чтобы не догадываться, что в быту и рок-звезды мыслят не примитивно. К тому же, автор не утверждает, что в русской рок-музыке есть только такие "звезды".

3. Автор написал эти строки не для того, чтобы причинить кому-то боль, а лишь оттого, что самому больно.

Вячеслав Дерягин

Любители молочных продуктов, объединяйтесь!!!

Слово, которое неотступно следит за каждым вашим шагом в продовольственном магазине, продукт, преисполненный бифидобактериями, то, что неотступно просачивается в ваш желудок, спасая от похмелья и предупреждая заворот кишок. Это знакомый каждому уважающему себя человеку напиток-кефир. Но группа, которая нарекла себя КИФИРОМ хотела бы сосуществовать вам не только в магазине, но и

везде, где вам будет угодно. Бифидобактерий в ней нет, зато есть несколько забавных по-своему ребят - ещё совсем молоденьких начинающих музыкантов из города на Неве. А именно:

Vocal - Grunge
Bass - Stass
Drums - Vitya
Guitar - Sanya
2nd Guitar - Galimaya

Понятно, что в желудок просачивается музыка свойства не имеет, но в головы и сердца могут проникнуть душевные, весьма тяжёлые нотки несовместимых тональностей с необычным звучанием, душераздирающие песнопения вечно плачущего вокалиста о бытие нашем нелёгком. Но есть и добрые песенки, например, dead finger. Сами ребята любят tool, deftones, radiohead, killswitch engage.

Надо сказать, что история группы уходит корнями в далёкое прошлое, когда барабанщик начал в детском саду играть на пластмассовом барабане. Там он подружился с нынешним бас-гитаристом ансамбля. Их детские мечты воплотились в жизнь

в октябре 2003 г. сейчас команда в поте лица репетирует, чтобы в скором времени выпустить дебютный альбом под рабочим названием "Самоповешение, самоожжение, самопоедание, самоубийство с помощью засовывания карандаша в нос и удара головой о стол и пр.", также с весны ребята начнут свою деятельность на клубных аренах Питера. Как и кефир, "кифир-метал" надеется стать лекарством от сильной пост-алкогольной интоксикации. Зато на счёт заворота кишок обещать что-либо администрация отказывается.

НЕ ЕШЬТЕ КОРОВ, ОНИ - НАШИ ДРУЗЬЯ!

Группа готова сотрудничать с продвигателями молочной продукции в массы.

Галк

* * * *

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА

Вокруг света обмотай свои волосы,
На экваторе
Растяни свои белые зубки!
Мажь леса своей красной помадой,
Экскалатором
Спускайся в свои глупые мысли!!!
Выдавливай на всех свою красоту из мясорубки,
Ты пришла заблевать природу своим смехом,
Предаваться под Бетховена утехам
И кричать: "Видят ваши детки мультики
Между моих раздвинутых ног,
Так вот знайте, я -Бог.
Женского пола. Завидуйте смертные,
Я здесь
До второго прихода Недоноска
Высшей Силы, врага подростков,
Я - ваша честь и ваше достояние,
Земное состояние,
Результат великих слияний
Ваших убогих желаний!!!"

Нафаршированный болью человек
Лежит на огромном блюде мисний,
Его посыпают солью измши
И перцем земных огорчений.

Все с жадностью взирают на него
И он на скорое съеденье обречён,
Но жадным пастям невдомёк,
Что он смертельным ядом начинён.

Его сожрут - умрут в одну секунду,
А обречённые, влетев с тарелок, будут рушить ресторан
И пастям остальным придётся
Пить кровь из собственных кровоточащих ран.

Приедут злобные менты
И заберут клиентов полупьяных,
А повар-Бог домой пойдёт, довольный
справедливостью своей

И справедливым своим ядом.

ГАЛИМАЯ

Связан Соля

Деревья в лесу сами привлекают к себе талор. Масло в светильнике само сжигает себя. Коричное дерево источает аромат - и его срубает. Лаковое дерево полезно для людей - и его долбят. Все знают пользу полезного, но никто не знает пользы бесполезного.

Чапан-цы, "Среди Людей"

Несколько лет назад в моей психической жизни произошло одно серьезное изменение. Думаю, что то же самое можно сказать относительно многих других людей, но сомневаюсь, что я встречался с ними; да и навряд ли наша встреча доставила бы кому-нибудь из нас радость.

Под изменением я подразумеваю мое восприятие незнакомых женщин. Долгое время я получал скромное, но незаменимое удовольствие, выискивая в людском потоке своих редких героинь: я искал их гордые губы, улыбающиеся чему-то для меня недостижимому, но, тем не менее, сближающему меня с ними; их глаза, устремленные в несуществующую точку, означающую всего лишь нежелание встречаться с

одинокую потаенность. Слушать чужими взглядами. Их руки, листающие книги, названия и содержание которых вызывают неудержимую зевоту у случайно взглянувшего в них соседа в вагоне метро. Я любовался их нарядами, вызывавшими недоумение у стоящих рядом женщин. Рубашками навыпуск в цветах. Джинсами благородных оттенков, облаканными лобящими руками времени. Короткими мальчишескими волосами, оставляющими незащищенной нежную детскую шею. Тяжелыми серебряными кольцами на тонких пальцах. Толстыми ботинками с потертыми

носами. Кожаными рюкзаками и мужскими сумками, перекинутыми через узкое плечо. Я любил все это. Любил, как лобят якорь, заставляющий лодку вертеться вокруг своей оси. Как лобят знакомого, которого случайно встречаешь на улице посреди жестокого прихода. И мне было спокойно потому, что всякий раз я знал: мой взгляд осторожно прикоснулся к той красоте, которая существует при условии почтительного с ней обращения, оставляющего ей ее

и безобязательно радоваться, когда фонарь удачи высветил для меня, специально для меня неведомый мне мир, самодостаточность и достоверность которого казались мне равными его совершенству.

Подозреваю, что я был неосторожен. Видимо, я слишком настойчиво и однообразно сканировал человеческое измерение в поисках частиц, позволивших мне устанавливать с ними недолгую связь и таким образом создавать в пространстве микрочастицы с нулевым напряжением, служившие мне временными укрытиями. То тут, то там критически падало напряжение, скрепляющее общечеловеческую субстанцию, и пространство опасно прогибалось, не выдерживая дисфункциональной пустоты, в которую

я блаженно падал, медитируя на своих энергетических любовниц. Я не учитывал того, что моя любовь к ним есть преступление против жизни: я любил в них отчуждение и, используя его энергию, генерировал его в себе. Использовать взгляд в преступных целях значит: созерцая объект, отдаляться от него, снижая тем самым его объектность.

Я не собираюсь обманывать и обманываться, утверждая, что мой влюбленный взгляд обладал способностью проникать в суть избранной мною женской сущности, что он стремился созерцать

подлинное, размывая своим луплящим взглядом, сметая стеклянные заграждения, устремляясь к новому фетишу, дабы вернуться на улицы, неся на себе его кожные покровы.

Толпа несет меня по улицам, и я отчаянно оглядываюсь в поисках опоры - твердого и живого тела, за которое я мог бы уцепиться. Но взгляд мой, всегда узнававший ее среди толпы, беспомощно мечется по оставшимся от нее фрагментам, обнимает их и соскальзывает, не получив поддержки, или вынужден увидеть паутинки, которые нужны были мне для того, чтобы, не плясая за них, я мог ползать по миру. Эти паутинки вели к любимому мною женскому образу - к той самой поверхности, сквозь которую я не желал проникать, которую я не желал понимать, и оставлял просто как образ, плавающий в чужеродном ему океане...

Ее подменили, пока я спал. Когда я вышел на улицу, я подумал, что продолжаю спать. Она была везде: как будто сгущенный образ, концентрат не выдержавший атмосферного давления и, взорвавшись, украсил своими лоскутками головы и плечи в людском потоке. Я попытался ухватиться за один фрагмент, за другой: вот ее плечи,

в пластилине неживых тел и в ужасе рвется дальше. Продираясь сквозь этот кошмар, я, наконец, понимаю: некая мощная сила фальсифицировала то, за что всегда цеплялись мои чувства, растиражировала влекущий меня образ, употребила его для создания популярной куклы. Манекен перестал быть тем, чем он всегда был для меня: самостоятельным идиотическим объектом, шутливой симуляцией. Он стал суррогатом того, чего я некогда желал, но желал не так, как желают манекен! Ведь кукла сработана предельно конкретно, она вся закончена и выставлена перед вожделем

взглядом: употреби меня. Я никогда не хотел этой оскорбительной открытости того, что жило в моих - и, как я наивно надеялся, только моих - снах. Но случилось еще нечто худшее: манекен вылез из витрины и стал шляться по улицам города, плясать в ночных клубах, кататься в салонах дорогих автомобилей. Тут и там появились застекленные коробки, в которых расположились ремонтные мастерские для манекенов: там их заново одевали, подкрашивали, стригли, кормили, полили, гладили, массировали, холостили, фотографировали, чесали, увлажняли, ебали.

Люди жадно накинулись на дороге пластиковые тела, пахнущие лавандой и розовым маслом. Они заглядывали в глаза манекенов и видели там себя преобразенных. Они нажимали на специальные кнопки, и куклы говорили: "милый". А я зажимал уши, закрывал глаза и перестал ездить в город...

Если этого не происходит, мне пока немного становится страшно. В присутствии пластмассовых женщин я чувствую себя существом без кожи. Я не овладел кодами, способными расшевелить пластмассу, и, несмотря на то, что расшук подкашивает мне, что это просто, овладеть ими не собираюсь.

...Месяцами сидя в одиночестве, я думал о тех, чьи секреты, подобно моим, оказались раскрыты, чьи миры, подобно моему, разграблены. Я пытался догадаться, какая творческая сволочь, какой Господин Оформитель, оказавшийся моим ментальным двойни-

взглядом: употреби меня. Я никогда не хотел этой оскорбительной открытости того, что жило в моих - и, как я наивно надеялся, только моих - снах. Но случилось еще нечто худшее: манекен вылез из витрины и стал шляться по улицам города, плясать в ночных клубах, кататься в салонах дорогих автомобилей. Тут и там появились застекленные коробки, в которых расположились ремонтные мастерские для манекенов: там их заново одевали, подкрашивали, стригли, кормили, полили, гладили, массировали, холостили, фотографировали, чесали, увлажняли, ебали.

Люди жадно накинулись на дороге пластиковые тела, пахнущие лавандой и розовым маслом. Они заглядывали в глаза манекенов и видели там себя преобразенных. Они нажимали на специальные кнопки, и куклы говорили: "милый". А я зажимал уши, закрывал глаза и перестал ездить в город...

Если этого не происходит, мне пока немного становится страшно. В присутствии пластмассовых женщин я чувствую себя существом без кожи. Я не овладел кодами, способными расшевелить пластмассу, и, несмотря на то, что расшук подкашивает мне, что это просто, овладеть ими не собираюсь.

...Месяцами сидя в одиночестве, я думал о тех, чьи секреты, подобно моим, оказались раскрыты, чьи миры, подобно моему, разграблены. Я пытался догадаться, какая творческая сволочь, какой Господин Оформитель, оказавшийся моим ментальным двойни-

ком, надругался над нашими с ним галлоциданиями и отлил их в пластмассе, и позволил вставить в них моторчики. Я искал потерпевших, таких же, как я, пытался отыскать их лица среди тех, с кем ничего подобного не произошло. Потом я понял, что целое братство обездоленных никогда не воспонит того, что каждый из них в отдельности потерял.

Втайне, я униженно просил у мира кинуть мне кость, которая напоминала бы мне о том, что у меня есть челюсти...

И тогда я встретился с Сонечкой. Она попала мне на глаза и раньше, но я все никак не мог сконцентрировать на ней свое внимание. Я словно видел ее урывками, фрагментами: она периодически проходила мимо меня, дыхнув затхлым духом подворотни, ловила меня у метро, просила рубль на жетон. Нас ломала друг о друга толпа у входа на концерт Легова, и она вздымала над бритыми головами порезанную кисть худой руки, с зажатым в ней отсосанным билетом. Случалось, я поднимался по лестнице, с намерением навестить худшего из друзей, а она сидела на пол-пролета ниже его двери, на подоконнике и то ли ждала, когда появится кто-нибудь, кто согласится ее подогреть, то ли просто не хотела далеко уходить от оазиса, где тек скупого источника ее жизненных сил. У нее был взгляд пустой и тяжелый: насколько вообще бывает тяжелой пустота. Нормальным состоянием ее глаз была полужакрытость, которая ничего не открывала. Я не хотел даже думать о тех моментах, когда глаза ее открывались полностью. Она была лишена даже того отвратительного лоска, который должен ясно обозначать цену в рублях за час. Она не стояла ничего: бутыл-

ку пива (пять бутылок, подумав, сказала бы Сонечка), чек гербалайфа, проходку в Полигон... Первая подлинная наша встреча (вернее сказать: моя встреча с Сонечкой) произошла следующим образом: я зашел в кафе-столовую, где варили обжигающие внутренности супы и разливали дешевую водку, и, взяв свои сто пятьдесят, стал разглядывать посетителей. Они были как всегда: мужчины, идущие с работы, две выпивающие подруги средних лет

Мы пили, курили, лишь только рассвет, я думала

Целый стол эмоционально бормочущих кавказцев. За соседним столом, за бутылкой водки заседала компания: два парня, две девушки. Четыре реликвии. Огромные, дурно пахнущие пасти, громко и хрипло ругающиеся, парни с хохотом, девки с визгом. Вызывающая, агрессивная никчемность. Хуйня, потоком изливающаяся из глаз. Грязь. Раньше я это презирал. Или радовался, что вижу нечто еще более никчемное, чем я. Но. Теперь я только смотрел. Смотрел, пока не спохватился: за чем я на это смотрю? А смотрел я на одну из девиц, костлявую блондинку, давно открывшую рот для

того, чтобы что-то сказать или просто хлестнуть его воздуха, да так и забывшую его воздуха. Бледные грязные волосы, длинные пальцы и ногти с облупившимся красным лаком. Серая кентурушка, в нескольких местах прожуженная сигаретами. Длинная юбка вся в каком-то пуху. Ботиночки, отороченные искусственным мехом. Все это висело на ее согнутом, но все равно напряженном скелете, готовом в любой момент метнуться и накрыть собой лежащие на столе сигареты или бутылку. А над скелетом вяло покачивалась голова с открытым черным ртом. Я воспринял ее такой, и только. Больше я ничего не видел и не мог понять, но именно поэтому я не мог отвести от нее глаз. Я сделал глоток из стакана, и ощутил, что мое воображение уже минут десять как лихорадочно работает, пытаюсь добавить, дорисовать, достроить то, что я вижу - и не может. А потом оно прекратило работать и смирилось. За последние годы, подумал я, оно, бедное, привыкло к отсутствию объектов эротического созерцания, его столько кормили порнографией, от которой мне плохо. И тут - пустота, избыточное отсутствие человеческих свойств в единой точке пространства. И при этом: ни единого намека на разрушение, на утраченную красоту, ни капли горечи, утраты, все предельно ясно, несмотря на бессмысленность, непроницаемость... Столько времени я был начисто поглощен своей потерей, разочарованием и тошнотой, что представлял себе не мог нечто, не имеющее ко всему этому ни малейшего отношения, не затронутого крушением одной вселенной и раздуванием другой. Но теперь я видел: вот оно, оно было и раньше и есть сейчас, и то, что я его игнорировал понятно, ведь оно слишком тяжело для моей виртуальности, но теперь, когда моя виртуальность стала слишком тяжелой для меня... Неужели теперь тебе это нра-

вится? - прошептали мои губы... Да, произнес черный рот, и ее кавалер налил ей водки. Я встал, громыхнув стулом. Ее глаза глянули сквозь меня и закатились, когда она запрокинула голову, и жидкость застыл силуэт сидящего человека. Тлел огонек сигареты. Перед сидящим остановилось смешное чудовище, отвянутое и хинпо-образное по неразумию своему. Оно спешило засвидетельствовать свое почтение тому, что сидело.

А, Софья Петровна! - произнесло чудовище развязно, и сквозь развязность его сочился животный страх перед сидящей на подоконнике Сонечкой. Сигарета хищно засветилась. Я прошел мимо и свернул в подворотню.

Ночь. В ее молчании плавают желтые пузыри окон, подсвеченные изнутри тусклыми лампочками и синими квадратиками телевизоров. Каждый пузырек - молекула жизни, островок безопасности, которым правит закон соотвествия вещей и желаний. Локальная власть этого закона зажигает лампадку локального людского сознания. Люди по ошибке называют бесчисленные тела, расчленяющего их на лакомые части и дающего этим частям имена. Но это тело осталось безмянным, его не тронули чуткие пальцы оформителей, и солнце, согревающее рагую, и то время, которое я привычно тратил на то, чтобы замечать, разделяла нас друг от друга.

Ну, возьми же меня! кричала Соня, раскинув по дивану свои худые тела. Для того чтобы овладеть Соней, необходимо преодолеть страх перед самим собой. При том, что она сама этот страх возбуждает. Самой Сонечки бояться, конечно, глупо: она ничего тебе не сделает.

Что-то не позволяет назвать это тело человеческим. Кажется, человеческий мир не оставил на нем своего безошибочно узнаваемого людского сознания отпечатка. Все стремления и желания рода человеческого миновали это тело, не получили доступа к нему, остановленные некой загадочной силой. Оно остается существовать по ту сторону всех сладких и горьких сознания, рассматривающего и ласкающего

бушующая ночью, бьющая плестками волнами-бедрами по оболазке разумных молекул... Сонечка стучится в наши окна.

Она ближе всех стоит к источнику, равно щедрую на жизнь и гибель. Это не значит, что она знает больше других. Не стоит вглядываться в черный пузырь ее сознания, ибо все равно он - только застенная квартира, в которой слабыми тенями присутствуют верши, смутно похожие на те, которыми люди набивают свои квартиры. Но сама Сонечка лишь в малой степени принадлежит своему темному сознанию, в нем она не находит ничего привлекательного, оно не дарит ее существованию стабильности. Она предпочитает оставаться вонсе, без оглядки отдавшись ночным ритмам уменьшенного города, благоволящего к ней, раскинувшего для нее пыльные ковры своих каменных пустостей.

Я впустил Соню вовнутрь своей квартиры-пузыря. Однако она явно в него не помещалась. Несмотря на ее неудобу, она занимала слишком много пространства, она отбирала его у меня, и то был вовсе не любимым мною поединком сознаний, а расплывающийся по моему сознанию ракочной опухолью сонечкиного тела.

Мне было от нее душно, ей было от меня смешно. Я был для нее слишком медленным, нерешительным. Я этого за собой не замечал, но зато замечал многое другое, и то время, которое я привычно тратил на то, чтобы замечать, разделяла нас друг от друга.

Ну, возьми же меня! кричала Соня, раскинув по дивану свои худые тела. Для того чтобы овладеть Соней, необходимо преодолеть страх перед самим собой. При том, что она сама этот страх возбуждает. Самой Сонечки бояться, конечно, глупо: она ничего тебе не сделает.

Бояться следует своего желания обладать ею. И если ты боишься, значит, ты на правильном пути, вернись, распутай: ты можешь остаться со своим страхом и сохранить для себя Святую Соню или преодолеть страх и овладеть ею, приобщившись, таким образом, к велику святых. Последнее прямо противопоказано, ибо сказано моим ангелом-хранителем: Никогда не соединяй своего зеркального тела с органическим, ибо, соединив, потеряешь сперва первое, а скоро сгниет и второе. Имеющий сердце да услышит.

И еще сказано: Люби святость любовью философа, ибо он любит то, чем не обладает и, любя, желает любить, а не обладать. То есть, любя Святую Сонечку, еще сильнее люби свою любовь.

Вокруг много святых, но еще никто не научился быть святым. У всех святых, которых видел я, были красивые и страшные лица. Глаза их были полны смертью, и они без колебаний шли к ней навстречу. За это им было даровано краткое счастье безоглядно ублажать свое тело, жить его жизнью, сосредоточив на ней все свои силы.

В святости нет ничего хорошего и благого. Но благословенны те, кто узрел ее и сохранил себя под ее сенью.

После визита Сони, моя комната пришла в запустение. Я тупо сидел на диване и разглядывал безобразный узор на обоях, которые были поклеены не мной, к которым мне противно было прикасаться. Жилище мое ветшало у меня на глазах: со стен облетали листы бумаги, темные пятна внутренней жидкости дома проступали на потолке, ползли по лепнине вниз, на меня. Я потерялся в собственной комнате, поглощенный

музыкой многоэтажного здания.

По ржавым венам домов несутся струи ледяной воды. Длинными шипящими змеями они врываются в ванные комнаты и истязают бледное тело Сонечки, возникшей из самой ночи и собирающей скоро в нее вернуться. Соня тормозит под душем, отплевывается, трет свое жалкое мясо, тихонько разговаривая с отдельными его частями. Я бессонно слышу это из комнаты, и мне становится

витаю обидно за то, что Сонечка существует где-то рядом со мной, за то, что она вообще существует. Я бы хотел, чтобы под душем у меня мылась совсем не Сонечка, насколько это возможно не Сонечка. Ведь так оно и было когда-то, спрашиваю я себя, но ничто во мне этого не помнит, разве только рассудок, который доказывает мне логическую необходимость этого. Если бы этого не было, беснуется мое логическое я, как бы здесь оказалась эта, эта - и дальше следуют непристойности. Я готов признать неопровержимость этого доказательства, но все равно:

ничто во мне не помнит этого логически необходимого блаженства. Есть только ночь, полпотившая мою неутоленную обиду, и открывающая мне в ответ Сонечкой.

Я понял, что боюсь: боюсь, что Сонечка исчезнет из города, которому она покровительствует. Я сделал ей деловое предложение: я буду платить ей деньги, понть водкой, покупать ей сигареты и славить ее как святую (последнее, впрочем, ей было абсолютно похую). Она же обязуется выполнять все функции святой: оставаться куском глины, в который Создатель не сумел вдохнуть разума. Оставайтесь непотребной - тем, что не подлежит потреблению, не укладывается в потребительский пакет. А точнее: быть потребляемой только мною и теми, кто, подобно мне, ищет то, что непотребно и делает его своим кумиром... Пока я говорил, Сонечка спокойно водила глазами по идущим по переходу людям. Ей было скучно и беспокойно от моих дурацких измышлений, она смутно догадывалась, что я навязываю ей что-то чуждое и вязкое, в чем ей надо будет разбираться как в кучах старой одежды на рынке... Вы-

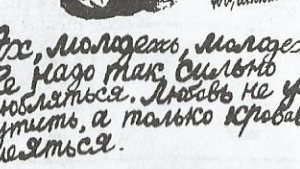
числив, наконец, в людском потоке каких-то знакомых, она радостно вскакнула, замахаала им ланкой и улетела, наскоро выдавив мне на темя приличествующие, как ей виделось, слова...

Я увидел свое отражение в стеклянном фасаде салона красоты. Я засмотрелся на холеную болонку человеческого рода, восседающую в глубине мерцающего скалочными искорками зала: ее там вычесывали. Смотреть мне пришлось сквозь себя самого, скосившего рожу с широко распахнутыми обиженными глазами. Любое зрелище, подумал я в этот момент,

состоит из двух частей: из того, что я созерцаю и из меня самого, созерцающего и воспринятого самим же собой. Интересно получается, когда удается увидеть и то, и другое сразу! Я думал, что испытываю отвращение к самим манекенам: но оно оказалось ничем по сравнению с удручающим впечатлением, которое я получил, узрев самого себя на пару с ними. Я считал себя существом иного порядка, но что за обидка, что за мольба в моих несообразных их миру глазах? Неужели мне нужны породистые домашние животные, да такие, которые едва ли согласились бы жить у меня? Мне представилось, что есть то, что во много раз гаже женщин-манекенов - это сочетание женщин-манекенов со мной. Я пошел дальше по улице, с ненавистью рассматривая модную молодежь: загорелые, намазанные кремами и красками лица, не знающие тоски в глазах и черных впадин под ними.

Около здания метро, на парапете восседала Сонечка. Она распротраняла вокруг себя комплексное - аудиовизуально-осязасное - зловоносие, которое отпугивало нарядную толпу тинэйджеров, выжигало небольшую плешь на густо поросшем черепе площади. Она смеялась, обнажая гнилые зубы, смеялась надо мной. Она видела, что мне закрыт доступ и в бодрую атмосферу телевизионных ледо-продуктов, и в ее гостеприимное ядовитое болото. И вновь я ощутил приступ благоговения перед Соней, святой Соней: мне почудилось, что ей известны секреты мудрецов древности, что зловонием кажется извращенным людям ее незамутненность, ее слепая естественная сила, отталкивающая мягкодушие существа, возделующие только одного - стать зрелищем, попасть

под животный взгляд. Сонечка была мертвой точкой в тысячеглазном пространстве, в котором каждая молекула ласкала, гладила или пошлепывала другую. Сонечка сама притягивала взгляды, но взгляды эти в ужасе и негодовании вспыхивали и гасли, едва коснувшись ее. Сама же она обладала только притягивающим взглядом - чутьем хищника, проникающим сквозь нарядную обертку людей - конфет, вмиг добирающимся до их нутра, до их голеных нервов:

она моментально понимала, что с кого можно поиметь. Увидев меня, она ощутила мою способность ценить ее присутствие, мое желание испытывать на себе ее силу; этим я отличался от пузырящихся во всем порядочным людям известно и авторитетные люди говорят, что я страдал от повсеместного движения частиц, от их рациональной бессмысленности. Это действительно было смешно: цепень от того, во что не желаешь войти и бежать от того, из чего не в состоянии выйти. Вот Сонечка и смеялась... Михаил Овчинников

Вместо P.S.: От ПАЛКАНА ДЫРОЧКИНА, постоянного читателя с 59-го года.

Здравствуй, я очень рад, что Вы возобновили свое издание. Поскольку являюсь внимательным читателем и поклонником его. Очень огорчен материалом помещенным в номере 2(2137), называющемся "Девственности - здоровье нации", автор Е. Савенко. Первое, что бросается в глаза - он пытается напугать наших дорогих девочек. Страшно, но неубедительно. Одни цифры искажены, другие скрыты, факты подтасованы, выводы пристрастны. Начнем с выводов: девушки, берегите девственность! Спрашивается, для чего. Из статьи следует: не выйдете замуж, будут плохие дети, будут плохие виуки. Факты: одбокие исследования прошлых веков, о последних Российских исследованиях не слова. Цифры: искажены от незнания, потому что зайижены, что может навести на мысль о некомпетентности автора. Но это не так: вся статья является идеологической диверсией.

Итак, фамилия Савенко мне подозрительно знакома, а буква "Е" скорее всего опечатка: там должна стоять буква "Э". Что к этому можно еще добавить? Э. Савенко не стеснясь призывает пользоваться американским опытом, хотя давно всем порядочным людям известно и авторитетные люди говорят, что я страдал от повсеместного движения частиц, от их рациональной бессмысленности. Это действительно было смешно: цепень от того, во что не желаешь войти и бежать от того, из чего не в состоянии выйти. Вот Сонечка и смеялась... Михаил Овчинников А Э. Савенко пьет 30%. Зачем

занижать цифры в обличительной статье, а затем, чтобы отвлечь внимание от настоящей американской проблемы. Каждый школьник знает, что в америке дети выводятся искусственно. Ранее в пробирках, а с появлением клонирования это вообще не составляет проблем. Зачем же, скажете Вы, американские СМИ, а с ними и Э. Савенко рекламируют патологически нездоровый целомудренный образ жизни и призывают оставаться девственницами до седых волос? Разгадка проста: при таком образе жизни нормального человека от постоянного воздержания в скором времени ждут психические расстройства, связанные с перевозбуждением. Он беспрестанно занимается мастурбацией и легко подвергается разным видам перверсии, то есть извращений: от гомосексуализма до некрофилии. Социальные устои, сложившиеся в пуританской америке, вызванные злобной пропагандой девственности, таковы, что нормальный половой акт там возможен только между эмигрантами, с проститутками за деньги, и на крайний случай, с изнасилованием. Коротче, если задать классический вопрос: "Кому выгодно?", вывод сам собой напрашивается: извращенцам разных мастей и арабскому миру во главе с Бен Ладеном, который хочет деморализовать американцев, заморить их воздержанием, захватить их земли и сделать их рабами. Идем дальше. О трудностях выйти замуж не девственницей: в любой зачуханной Зимбабве операция по восстановлению девственности стоит не больше 50-ти долларов и сделать ее теперь может каждый ветеринар. О страхах, связанных с плохой наследственностью в связи с первым парнем. Во-первых, все эти полоски и зб-

ры были чистой мистификацией, о чем известно всем, кроме Э.Савенко. Во-вторых, половозактивные мужчины самые красивые, умные и талантливые самцы. Иначе как бы они смогли понравиться такому количеству особой женского пола. Естественный отбор, знаете ли. И господину Савенко прекрасно об этом известно. У них не все в порядке с моралью, но мораль воспитывается в детях, а не передается генетически. Опять же мораль эта савен-

ры сделаны пьящими Россиянами, итальянцами и французами. А непьющие американцы изобрели только депрессивный рок-н-ролл, наркотики новых видов и противозачаточные средства. Даже более-менее значимые открытия сделаны в основном эмигрантами из России и в меньшей степени из европы. Это очевидно даже олигофрену. Коротче все эти опусы про девственность нужны врагам нормального человечества, доводы смешны и бездоказательны, один лишь пример с рюмкой водки чего стоит: если не проявится сейчас, отразится на внуках. Не все ли равно девочке-подростку, совершающей первый в своей жизни взрослый поступок, какие будут у нее внуки. Взять вот опыт меня, моего отца и моего брата. Из всех наших детей и внуков можно создать целую армию, или к примеру, заполнить рабочими целый огромный концерт. Что само по себе совсем не плохо и полезно любому государству. Помимо этого, все те дети, которых мы видели, правильно говорили "агу" и вовремя пукали слюны. А тех, кого мой папа видел дольше, например я и мой брат, хорошо образованы и работают на вполне приличных, достойных работах. Брат окончил 10 классов и ПТУ, работает правда не по специальности, рубчиком мяса, но неплохо получает. Полезный член общества. А я хоть и не закончил вечернюю школу, работаю совсем не жуликом, а даже наоборот - свободным журналистом и пишу статьи не хуже Э. Савенко. Коротче барышни, не предавайтесь глупым предрассудкам, поступайте, как велит сердце. Идите по жизни, основываясь на собственном опыте, все время помните, что старость не за горами и можно много не успеть. П. Дырочкин

1968-й год. Музыка, которая с хитив и "Led Zeppelin" и Робина Трауэра), сверкнули "Crazy World Of Arthur Brown" и "Tomorrov", в более значительных событий в сфере, именуемой "рок-музыка", и "Amon Duul" (пока ещё без приот политических событий в 1968-м году состоялось в том, что прозвучало, появившиеся тогда, были не столько революционные, сколько определили дальнейшую эволюцию молодёжной музыкальной культуры. Кто-то из героев тех лет и сегодня яркий художник, умеет выглядеть убедительно на фоне великого множества молодых новаторов, кто-то в столь зрелом возрасте уже не склонен к экспериментам, однако способен поддержать традиции, которые сам же и создавал. Хотя рок всегда считался музыкой бунта и у многих ассоциируется лишь с самыми его (рока) радикальными направлениями, стоит вспомнить, что прежде всего мы имеем дело с синтетической формой, по сути, с фольклором. То есть прежде всего нас интересует один из наиболее эффективных способов коммуникации. Рок-н-ролл пребывал в относительно жёстких стилистических рамках в 50-х годах, когда являлся всего лишь модной поп-музыкальной новинкой. Сам этот термин, употреблённый в музыкальном контексте, был всего лишь окабрезной "фишкой" радио-ди-джея. Когда, оттолкнувшись от общедоступной формы, "прекрасные дилетанты" 60-х пустились в свободное творческое плавание, три всем полюбившихся аккорда раставлялись в океане звуков и гармоний со всего мира, открыл границы между различными культурами и жанрами (как иногда казалось до того, принципиально различными). Вспомним, что именно в 1968-м году дебютировали в звукозаписи такие команды, как "Deep Purple", "Jethro Tull", "Jeff Beck Group" (во многом предво-

хитив и "Led Zeppelin" и Робина Трауэра), сверкнули "Crazy World Of Arthur Brown" и "Tomorrov", в Германии начинали творить "Can" и "Amon Duul" (пока ещё без приот политических событий в 1968-м году состоялось в том, что прозвучало, появившиеся тогда, были не столько революционные, сколько определили дальнейшую эволюцию молодёжной музыкальной культуры. Кто-то из героев тех лет и сегодня яркий художник, умеет выглядеть убедительно на фоне великого множества молодых новаторов, кто-то в столь зрелом возрасте уже не склонен к экспериментам, однако способен поддержать традиции, которые сам же и создавал. Хотя рок всегда считался музыкой бунта и у многих ассоциируется лишь с самыми его (рока) радикальными направлениями, стоит вспомнить, что прежде всего мы имеем дело с синтетической формой, по сути, с фольклором. То есть прежде всего нас интересует один из наиболее эффективных способов коммуникации. Рок-н-ролл пребывал в относительно жёстких стилистических рамках в 50-х годах, когда являлся всего лишь модной поп-музыкальной новинкой. Сам этот термин, употреблённый в музыкальном контексте, был всего лишь окабрезной "фишкой" радио-ди-джея. Когда, оттолкнувшись от общедоступной формы, "прекрасные дилетанты" 60-х пустились в свободное творческое плавание, три всем полюбившихся аккорда раставлялись в океане звуков и гармоний со всего мира, открыл границы между различными культурами и жанрами (как иногда казалось до того, принципиально различными). Вспомним, что именно в 1968-м году дебютировали в звукозаписи такие команды, как "Deep Purple", "Jethro Tull", "Jeff Beck Group" (во многом предво-

го кокетничает - скрежещущая монотонная смесь ритм-энд-блюза, фолка и авангарда стала основой для панка и индастриала (прежде всего), адепты которых нередко откровенно признавали влияние "V.U.". Ещё и сейчас довольно трудно найти нечто более подходящее для озвучивания современного урбанистического пейзажа, в те времена группа особо никому не была нужна, и после выхода "White Light / White Heat" на долгие годы прекратил существование один из самых замечательных тандемов в рок-музыке - "The Velvet Underground" покидает мультиинструменталист Джон Кейл. Альбом "Saucerful Of Secrets" - это, помимо всего прочего, начало таких "Pink Floyd", какими они стали в 70-х. Увольнением из своих рядов неповторимого психоделического гения Сиды Барретта группа толкнула себя на грань распада - ведь Барретт был основным автором, и именно его манера сочинения и исполнения диктовала "Pink Floyd" звуковой имидж, делала их узнаваемыми в "свингующем Лондоне". Другие участники тоже изредка писали песни, очевидно, стараясь следовать уже заданной схеме, но всё же сохраняя индивидуальный почерк. Уже выходил сингл с композициями клавишника Рика Райта, завораживающе мелодичными, слуша которые можно было представлять будущий саунд "Pink Floyd". Однако, возможно, потому, что Райт оказался не слишком плодовитым композитором, на втором альбоме группы автором большинства песен и ярко выраженным лидером стал Роджер Уотерс. "Saucerful Of Secrets" должен был закрепить

статус "Pink Floyd", но нельзя сказать, что ему это удалось. После барретговской парадоксальности в народе именуется "White Album" - по цвету конверта. Это уходящая от привычных психоделических клише, выверенная и наименее цельно звучащая из построенная на басовых риффах поздних работ ливерпульцев музыка впечатления столь же (даже "Magical Mystery Tour", который вобщем-то является сборником из EP и синглов 1967-го года, даже "Let It Be", лебединая да, даже "Let It Be", лебединая Потребовались годы, чтобы, наполнив свои песни прозрачным атмосферным звучанием, "Pink Floyd" стали величиной мирового масштаба. Но композиция "Set The Control For The Heart Of The Sun" и ныне входит в сет-лист Уотерса. И по прошествии времени можно понять, что, пожалуй, "Saucerful Of Secrets" - один из самых гипнотических альбомов "Pink Floyd".

После упоминавшегося уже "Sgt. Pepper'a" и остроумных заигрываний опять-таки с психоделией на тему же "Sgt. Pepper'y". Лучшее "Magical Mystery Tour" в 1968-м всего мои слова иллюстрирует

финал альбома - "Revolution №9", имеющая весьма далёкое отношение к музыке и отражающая авангардистские увлечения Джона Леннона, предшествует нежнейшей колыбельной "Good Night", исполненной умиротворяющим голосом Ринго Старра. Не в таком сочетании проявилось желание реальных перемен. Впрочем, это явно выражено во многих текстах того же Леннона.

Три упомянутых альбома выделяются из прочих не только музыкальными идеями, но и заложенным в них социальным подтекстом. На разных почвах эти зёрна прорастут по-разному, но выраженные в поэтической форме общественная активность Леннона, холодноватая наблюдательность Уотерса и едкая декадентская сатира Рида задали тон настроениям на десятилетия вперёд.

Игорь Лунёв.
www.saint-petersburg.de

Газета НИОТКУДА продаётся только в пролетарских магазинах: КАРАВАН (ст.м. "Гостиный Двор", ул. Караванная д.22), РОК-ПЮДВАЛ (ст.м. "Гл. Восстания", Невский пр. 110) Торгово-развлекательный центр ДОХЛАЯ РЫБ-БА (ст.м. "Петроградская", наб. р. Карповки, д.20), АССА (ст.м. "Чернышевская", ул. Кирочная, д.17), КУЛЬТУРА (ст.м. "Фрунзенская", Московский пр. д.82 или ст.м. "Маяковская", Литейный пр. д.58), ФЕНЬКА РОК-Н-РОЛЛ (ст.м. "Нарвская", Нарвский пр. д.23/2), 2 ПЕРЦА (ст.м. "Пионерская - Старая Деревня" ул. Стародеревенская д.36 ТЦ "Крокус" секция 46 или ст.м. "Пр. Просвещения" пр. Энгельса 139, ТЦ "Шувалово" секция Е7.1), БИВЕНЬ (ст.м. "Сенная пл." ул. Гороховая д.41). В ДОХЛОЙ РЫБ-БЕ установлен специальный параллелепипед с дырочкой для приёма любой информации (а также пожертвований) и бесплатного печатания в следующих выпусках газеты НИОТКУДА.

Учредители: МинРыбХоз СССР, Продосерский центр молодых рок-дарований Александра Короткова, Музыкально-просветительский фонд им. Сергея Фирсова. Дальше будет ещё круче. Нам нечего терять, кроме собственных цепей, мы не рабы, рабы не мы, Буржуям скоро придёт

Гарнитура «Таймс», печать офсетная, тираж 983 экз.

конеч. До новых встреч, товарищи...

АМЕБЕЙНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

- Матушка, матушка, это что такое? Сударыня матушка, что ж это такое?
- Дитятко милое, что же тут такого? Спи, не капризничай, ничего такого!
- Матушка, матушка, разве ты не видишь? Сударыня матушка, как же ты не слышишь?
- Дитятко милое, ну конечно, вижу. Что раскричалось ты, я прекрасно слышу!
- Матушка, матушка, как же так, маманя! Сударыня-барыня, я не понимаю!
- Полно ребячиться, всё ты понимаешь. Слушайся, дитятко, а не то узнаешь!
- Мать родимая! Родная Праматерь! Я же твоё дитятко, мать-перемать!
- Тихонько, родненький, тихонько, не надо. Маменьке лучше знать, чего тебе надо!
- Мать моя чёртова, вот же оно, вот же! Где же ты, мой батюшка? Что ж ты не поможешь?
- Экий ты, сыночка, право, несмышлёныш! Ну-ка не рыпайся, выблядок, гадёныш!

Тимур Кибиров.